

Любимой П. С.

1

ВОСЕМЬСОТ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ МИНИМУМ

Все началось осенью, за десять месяцев до поездки на Север.

Сразу стало ясно, что это серьезно.

Вечером пальцы потрескались — сначала на местах суставов, так, что их больно стало сгибать, а к утру уже крест-накрест, глубоко, до мяса, и повсюду, даже на подушечках. По ладоням поползли красные пятна с волдырями: похоже на последствия ожогов или мозоли, но с мерзостью вроде гноя внутри. Безотчетно я расчесывал их всю ночь, и оттого сгустки эпителия и жидкости оставались на простыне и на подушке. К обеду кожа начала сохнуть, лопаться и осыпаться, а сами руки, покрывшись этой коростой, одеревенели.

Только кажется, что эта болячка — ерунда. Закури-ваешь утром, когда все вроде бы в очередной раз срослось, и получаешь две трещины: первую на безымянном, когда достаешь сигарету из пачки, вторую — на

большом, когда чиркаешь зажигалкой. Забудешься, схватишь ручку двери неосторожно — и по всем соединениям фаланг идут разрывы.

И эта кровь, повсеместно кровь: на полотенце, на чашке, на клавиатуре, каждый раз, когда набираешь текст. И вот тут лучше не останавливаться — пусть потихоньку сочится, все равно не так неприятно, как если пару часов ничего не делать и ранки начинают закрываться, а потом расходятся вновь. В любом случае к вечеру лопается кожа во всех складках, а их на пальцах гораздо больше, чем можно подумать, пока не знаешь об экземе.

Сама болезнь меня мало волновала — я знал, что от трех недель до трех месяцев уйдет на то, чтобы ее купировать, а до той поры придется носить белые хлопчатобумажные перчатки и отказываться здороваться за руку. Скука. Меня нервировала лишь скоротечность этой гадости. Раньше цикл от первой трещинки до состояния ссохнувшейся на солнцепеке глины длился неделю-две. В этот раз все произошло всего за два дня.

Пришел в НИИ дерматологии, зная наперед, что врач опять пропишет мазь с карбамидом и что-нибудь с кортизолом. Может быть, с лошадиной дозой кортизола. Скажет, что нельзя пить, а жрать можно только яблоки, кефир и каши. Наверное, опять отправит на биопсию — и лаборанты будут неделю мариновать кусочек Штапича, отрез с ладони, в какой-нибудь банке, чтобы и в третий раз выдать то же самое: «Экзема, этиология неясна».

Старенький доктор выслушал меня, осмотрел руки и обеспокоенно спросил:

— Что могло за пару дней такое дать? Наркотики? Алкоголь?

— Да нет. Обычно у меня кто-нибудь умирает — и это вылезает. Первый раз — брат, потом бабушка.

Врач оторвал взгляд от рук и посмотрел мне в глаза:

— Любопытно. А сейчас снова кто-то умер?

— Нет.

— Впервые такое вижу. Всего за два дня. Получается, у вас стресс обычно запускает болезнь. Так что же такого с вами произошло?

Можно было бы ждать удара по яйцам во время визита к венерологу, наркологу, психиатру — тем врачам, которые, скорее всего, и должны были меня приговорить. Во всяком случае, я настойчиво пытался себя укокошить именно по этим фронтам, а никак не через кожу. Но ирония такова — именно у дерматолога я понял то, чего не понимал до того момента и что произнес сам себе как диагноз:

— Видимо, я влюбился.

— Вот уж верно говорят, что любовь сильнее смерти, — улыбнулся старичок. — Ничего, мазь с карбамилом выпишем, пятипроцентную. И крем в нашей аптеке купите с кортизолом, это такой гормон...

— Знаю.

— И диета. Пить лучше воду или кефир, кофе и алкоголь исключить...

— Ага.

— И вы знаете, хорошо бы сделать биопсию.

Ни идеальный рот Милы, ни слегка выдающаяся нижняя губа, ни ее глаза (то голубые, то зеленые), ни копна дредов, связанных в пучок на макушке, ни ее неповторимая звериная грация (красивее двигаются

только крупные кошачьи), ни маленькие мягкие ладони, ни теплый бархат кожи, ни манера носить мешковатую одежду, скрывающую страстное сильное тело, ни ее готовность к любым приключениям, — ничто, ничто из сотни черточек, качеств, родинок, запахов, вкусов, морщинок, впадинок и текстур, в которые я влюбился, не могло запустить уродливое разрушение рук.

Впрочем, влюбленность и экземе объединяет «неясная этиология». Размышляя об этом, набрал с три тысячи знаков какого-то идиотского закадра про нелепые смерти, записал тайм-коды. Тексты для нашинкованных сетевых видео, которые приправлялись фальшиво возбужденным голосом диктора и показывались по телеку, были моим основным источником дохода. Никогда не вникал в их суть: подборки автоаварий, нарядов звезд, лучших домов из говна и палок — это было вне моего мира; рутинная и отупляющая работа у конвейера, которая приносила столько денег, что хватало только отдать алименты, да еще прокормить и кое-как одеть себя.

Никогда не вникал, но тут меня заинтересовал один кровавый и глупый сюжет, достойный театральной постановки. Два забулдыги, никчемных маргинала, после распития какого-то сногшибательного количества алкоголя, поспорили между собой о том, кто из них сумеет отсечь человеческую голову с одного удара топором. Поскольку иных людей рядом не было, первым к снаряду подошел один из них и решительно уложил на импровизированную плаху — толстый пень — свою, неотягощенную анализом ситуации, голову. Второй взялся за топор и нанес роковой удар. В споре он проиграл:

у него вышло перерубить лишь половину шеи собутыль-ника, — и, глядя, как из яремной вены хлещет кровь, он попытался что-то предпринять, но что и как, доподлинно неизвестно; известно лишь, что спасением он занимался весьма активно — так, что к приезду медиков был облит кровью с ног до головы и задумчиво допивал самогон, вероятно размышляя, должен ли он теперь отдавать долг за проигранное пари и если должен, то кому. Произошло все это в деревне со сказочным названием Кудымово.

Вот таким дерьмом я зарабатывал на жизнь, все свободное время уделяя сценарию, который надеялся вскоре продать и наконец вырваться из пропасти, уложенной в цепочку «работа-работа-работа-зарплата-ушмешка-виселица». Но с тех пор, как я встретил Милу, писать можно было только о том, как тоненькая лямочка ее домашнего платица спадает с плеча, и это начало, только начало священнодействия бесконечной ласки и нежности, сладости и величия, которые чувствует все мое тело, все мое существо, стремящееся к ней, желающее обнять ее всю, взять ее всю и сразу, погрузиться в нее, утонуть в ней, погибнуть и презреть все сущее, потому что его нет, оно — пустота пустот, оно и на миллионную долю не так счастливо, как я, мы, и потому его нет, а есть лишь любовь, лишенная глагола, есть она, Мила, божество, и этого достаточно, и вечно мало, и это длится не минуту, не час, не страницу, не сто страниц, это — вечность и небытие, это все, чем можно и должно обладать — ею, любовью, и немножко еще — тихим воздухом прохладной спальни, и можно отдать все, что имеешь, только за то, чтобы ее руки немели, и благодарно смотрели бы

ее глаза, и плавно бы закрывались веки, и руки ее, чуть погодя, набрав тепла, тянулись бы прижать меня к себе.

От таких мыслей возбуждаешься, но как снять напряжение? Если решишь спустить... о нет, даже и пробовать делать это с экземой — пытка. Нельзя получить удовольствие или хотя бы разрядку, когда испытываешь смесь режущей и саднящей боли, когда чешется не кожа, а нечто под кожей, когда пот разъедает плоть.

Потому, намазав пальцы и ладони кремом, я строил как угорелый, чтобы сделать недельный план по фаршу из видео за три дня и посвятить остаток рабочей недели Миле, которую тщетно пытался не вспоминать, пока работал. К вечеру клавиши «а», «о», «н», «е», «и», «,» были самыми липкими от крови, крема и жидкости из волдырей. Как будто весь день я печатал одно: «и не она и она, и она и не она». Мое маленькое злое сердце предвкушало ее появление — и сжималось от ужаса ровно оттого же. Она или не она? Она или не она?

Она. Иного и не было предусмотрено.

Лучшая из бесед — из бара на прогулку, потом в постель, разговор перетекает в завтрак (о, Мила обладает редчайшим даром — способна соорудить из растворимого кофе шедевр), переходит в переписку по телефону, перемежающуюся ссылками на любимые треки, эти треки звучат в ушах на пробежке и смолкают, чтоб услышать ее голос, который растворяется уже во сне, где сно-

ва она, и будильник с уже «нашей» песней, на которой мы сошлись, сами того друг от друга не ожидая, — «Где спит твое сердце» «Billy's Band», и первый звонок по громкой, пока оба чистим зубы, разговор как способ быть рядом, и на третий день, когда я ухожу от нее за полночь, сообщение от меня ей: «Я не хочу уезжать», и ответ: «Тебя никто не гнал», и дальше все перерастает в шуточку — «нет, нет, я не живу у тебя, я просто не могу уйти».

Не могу уйти — хочу сидеть у нее в ногах, бесконечно болтать с ней и упиваться умилением от того, что она есть. «Ты плачешь?» — ее это поражает, ее поражает то, что, глядя на нее, можно тихо плакать, но иначе и невозможно — ведь она есть, и так трудно сказать «люблю», ведь вырывается только «пожалуйста, не уходи от меня», и продолжается этот разговор, наполненный ею.

...Подарила «Маленького принца» — любимую свою книгу; читал, и проникся, и сжился.

За пару дней до начала экземы Мила должна была выйти на связь.

Дело в том, что Мила потерялась в горах. Беспощадная ирония — девушка, в которую влюбился именно бывший волонтер поискового отряда, пропала в горах.

Верней, это я так полагал: пропала. В первый день я держался, старался отвлечься от мысли, что Мила и ее группа заблудились, и наблюдал за маленькими разры-

вами, возникающими на коже, еще не сильно беспокоясь. Все-таки там были шесть человек, и, с точки зрения статистики, не так-то велика вероятность, что они могут попасть в настоящую беду. Потому я отвлекался от худших предположений.

Правда, отвлекался я по-своему: дозвонился спасателям в Абхазию, добрался до какого-то замминистра, выяснил, что эта туристическая группа нигде не зарегистрирована, забронировал билет в Сочи, собрал рюкзак, дозвонился до Краснодарского отделения поискового отряда и узнал у них, сколько людей можно будет собрать на поиск. Решил, исходя из знаний об их маршруте и погоде (снегопад на высоте), что в Сочи надо лететь не раньше утра третьего дня. Все эти действия базировались на опыте и совершались холодно, почти автоматически; но внутри меня уже разрывала истерическая паника, а снаружи я натурально трещал по швам.

Память, подстегнутая паранойей, начала выкладывать картинку из осколков воспоминаний о том, что прежде казалось незначительным: окружение Милы. Например, я не обращал особого внимания на то, что к ней внезапно мог прийти какой-нибудь человек, которому нужна была палатка/куртка/лыжи/еда/десять тысяч в долг, и Мила, имея ангельский характер, не отказывала никому и никогда.

Она постоянно устраивала посиделки у себя на даче — с баней, костром, песнями под гитару. Но я, изначально ревнуя к толпе, то есть к двадцати людям сразу, не особенно задумывался, кто же они такие. А теперь, подпаливая пух на перчатках, отчего перед каждой нервной затяжкой мне приходилось вдыхать дым

горящего хлопка, я внезапно понял простую вещь — именно таких людей мне и приходилось четыре года искать.

Добрая половина из них попросту не имела определенных занятий, несмотря на возраст — от двадцати пяти до тридцати. Другая половина занятия имела, правда, презентовали они себя «свободными художниками», как это понимают у нас в стране: есть некая деятельность, вроде фотографии или съемок видео, но само качество работ таково, что назвать человека фотографом или оператором не повернется язык, и потому обычно к профессии прибавляют прилагательное, в качестве ограничения — «свадебный фотограф» или «кабацкий певец», а порой придумывают отдельное словцо, которое черт его знает, что значит, кроме того, что руки приставлены не к плечам: «видеограф», например. Впрочем, кое у кого все-таки была вполне сносная работа, но и от тех не пахло ничем, кроме Грушинского фестиваля и желания повыть где-нибудь на полянке незамысловатую песенку.

Ни в ком из них не было задора, огня и ярости, страсти и злости, нормальной тяги к саморазрушению и битве — мифа о себе никто не нес. Никто в детстве не выигрывал соревнования хоть по чему-нибудь; в их компании даже не было хотя бы подобия заводицы, бесшабашного и громкого, неугомонного и сильного; все были одинаково унылы и могли часами тупить в кроны деревьев, поместив жопы в гамаки, телами слившись ритмически с жизнью огурцов. Нетрудно догадаться, что почти все — и мальчишки, и девочки — были безотцовщинами. Позже, присмотревшись к ним, я не мог понять, как же они составляют пары друг с другом. Период ухаживания у них может

длиться бесконечно; чтобы сказать понравившейся девочке хоть два слова о чувствах, уходят месяцы; не уверен, что у них вообще бывает то, что обычно случается между мужчиной и женщиной в кровати, потому что и для того нужно известное количество страсти.

Надо было прислушаться к их судьбам, к их историям. Вот одна, пожелавшая поменять жизнь, отправилась в Сибирь зимой участвовать в каком-то диковинном «проекте», представлявшем собой что-то среднее между сектой и борделем: два десятка людей строят дом, доят коз, пекут хлеб и пытаются найти свою любовь, отчего-то именно там, на тропинке между хлевом и избой. Разумеется, вся эта затея превратилась в борьбу за выживание, где все хотели отыскать еду, а не любовь, и самые умные удрали с «проекта» авто-стопом. По возвращении, так и не найдя суженого, девица определила себя в сторонники однополый любви. Впрочем, зажила счастливо, так что «проект» ей вроде как даже и помог. Вот другие — пара, которая развелась, но оба, помыкавшись по чужим холодным постелям, уразумели, что их постель была не холодней и не теплей, и через полгода сошлись обратно, и снова женились, и ссорились молча, прожигая друг друга глазами; верно, оттого и были вместе, что знали друг друга вдоль и поперек — и потому им было удобно ругаться (тоже, впрочем, незэнергично, бесстрастно и как бы жалея сил на ссоры). Вот еще один — человек, отличительной чертой которого является растительность на лице, у него даже кличка в честь роскошных усов; однако, кроме усов и мягкой детской улыбки, он ничем не приметен — никто и никогда не сумеет вспомнить, о чем

он говорил, потому что он все больше глупо улыбается да покручивает усы, и может статься, что он и мудр, но почему-то занят компьютерными играми и ничем более.

Стоило прислушаться и к их словарю: «ретрит», «ресурс», «йога», «медитация», «вайб» — этакая погань сразу обнаруживает отсутствие жизнеспособности, оторванность от происходящего вокруг.

Но как-то я пропускал все мимо ушей, а когда припомнил, сопоставил и ужаснулся, Мила уже была где-то в горах, в компании минимально способных к выживанию гитаристов всех мастей, которые, я был уверен, не сумели бы догадаться взять с собой теплые носки на товарища. У них в головах скорее вертелись мысли о перекладывании Стинга на укулеле, чем резонные вопросы: как зарегистрировать группу и кто несет пакет для оказания первой доврачебной помощи. Впрочем, это логично — ретрит не предполагает попадания в ад на земле.

Это были типичные бестолковые москвичи, то есть самые опасные люди страны, взрослые только по паспорту, инфантильные внутри; именно они и пропадают чаще других.

Расчесывая экзему, я вспомнил, как Мила недоумевала, почему на их вечеринках я не включаюсь в разговоры и даже ухожу куда-нибудь в сторону. Однажды, когда мы обсуждали взгляды на идеальные отношения между мужчиной и женщиной, она спросила: «Будешь мне другом?» Интуитивно припоминая жопы в гамаках и дрянную игру на гитаре, не осознавая тогда еще, почему это унылое болото от меня бесконечно далеко, я ответил: «Конечно, нет, я — твой мужчина».

Мила вышла на связь через сутки после положенного срока.

Группа заблудилась, перепутав отроги, попала в снежную бурю, отыскала какой-то приют.

Масштабы их непредусмотрительности и самонадеянности оказались серьезнее того, что я, даже в злобном исступлении, мог себе представить. «Гуляльщики по горам» — так следовало бы прозвать этот коллектив — не обзавелись:

1) картой или навигатором ни в каком виде (при этом никто из них не был в той местности ни разу);

2) неприкосновенным запасом (и сомневаюсь, что они поняли бы, о чем речь);

3) никакой радиостанцией;

4) ни одним надежным фонарем.

Разумеется, и снег на высоте более тысячи четырехсот метров в конце октября стал для них неожиданно. В итоге участники ретрита два дня жрали лебеду (то есть даже если б они шли ровно по плану, они бы остались без еды за сутки до выхода). Слава богу, они догадались сократить маршрут, спустились вдоль реки и набрали на какую-то лесную дорогу, откуда их забрал проезжавший мимо лесовоз.

Представить мое бешенство можно, только если знать мое отношение к безопасности: даже когда я пьян в самом дрянном изводе, то есть в дугаря, в хламину, в зюю, в сопли, в шапито, и это все сразу, и когда могу только ползти на карачках, я все равно ползу на зеленый

свет, и мне никогда не случалось ползти на красный. Отмечу также, что ползаю я изумительно быстро.

Мила через треск неустойчивой связи сказала, что уже сидит на берегу моря, скучает, и в голосе чувствовалось такое искреннее желание оказаться рядом со мной, что я не удержался и произнес то, что нельзя впервые говорить по телефону:

— Мил Мил, я люблю тебя.

Ответа не последовало: связь прервалась.

Не она.

Порой Мила в себе, и разговор стихает; ей надо молчать, просто молчать, и в это время она холодна, и нет тяжелее муки, чем эта, — я живу только внутри нашего диалога, а она все молчит, и так может продолжаться дней пять кряду. К пятому дню у меня съезжает крыша. Она не отказывает в любви, она не против прогулки, она за кино, она с удовольствием отправится куда угодно, но молчит. «Просто настроение такое».

Чтобы нырнуть в ее объятия, я снял свой крепчайший литой доспех, свой кевлар цинизма и отрешенности, я сразу и весь — к ее ногам; а она молчит, потому что ей так удобно и так хочется; но нет, со мной нельзя молчать, я же глохну.

Чтобы вызвать — не полноценную речь, а хотя бы восклицание, хотя бы писк, нужен либо страх, либо возторг, и, понятно, надо действовать вторым, чтоб она не сделалась заикой в нашем разговоре. Цветы, она не любит цветы. Это все из «Маленького принца»? Зачем

содержание

1. Восемьсот четырнадцать тысяч рублей минимум . . .	7
2. Как я стал пярщиком	25
3. Отрицательный ущерб	40
4. Пухляк	64
5. Богадельня	87
6. Сладолед	120
7. Свободное пространство	169
8. Через реку	212
9. Мыс любви	249
10. Тандем	283
11. Париж	348